

В первый день, когда Цинь Жунши вошёл в академию, занятия ещё не начались. Только ученики из разных мест один за другим возвращались в академию. Учеников в академии Лумин было немало, и приезжали они отовсюду: были местные из Фушуя, были из подчинённых деревень, были из других посёлков и даже из уезда Ло - все прибывали сюда учиться.

Слуга декана Линя, Утун, лично проводил Цинь Жунши к спальным комнатам. Чтобы ученики могли лучше отдыхать, спальни располагались за участком зелёного леса, в тихом месте: белые стены, синяя черепица, дома один за другим стояли рядом, а во дворе росла одна сосна.

— Твоя комната здесь.

Утун привёл его к одному домику, сначала постучал, и лишь когда никто не ответил, толкнул дверь и вошёл. Затем сказал Цинь Жунши, который следовал за ним:

— В каждой спальне живут по двое. Как раз в этой не хватало одного человека. Твоего соседа по комнате зовут Сюй. Он тоже из деревни, кажется... из деревни Хунмэй? Не знаю, слышал ты о ней или нет! Он очень способный! Первый в вашем классе Цзя! Учится хорошо, наставники его хвалят! Ты ещё мал, и если чего-нибудь не поймёшь, можешь спрашивать у него!

Утун был вспыльчивым и прямым. Если кто-то его раздражал, он непременно начинал спорить, неважно, мужчина перед ним или женщина, старый человек или ребёнок. С Чжоу Цяочжи он мог поссориться сразу, без всяких рассуждений о том, что «образованный человек не должен считаться с женщинами и детьми». Но у таких людей не было кривых мыслей. Стоило характером прийти к нему по душе, и он относился к тебе хорошо, встречал улыбкой.

Декан Линь хвалил при нём Цинь Жунши, говорил, что этот мальчик необыкновенный и в будущем непременно станет большим человеком. Поэтому Утун и счёл его хорошим: сам декан хвалил, значит, он достоин уважения!

Деревня Хунмэй?

Услышав слова Утуна, Цинь Жунши кивнул и ответил:

— Слышал. Она недалеко от нашей деревни.

Деревня Хунмэй на самом деле была довольно известна. Только «хунмэй» здесь означало не красную сливу-мэйхуа, а особый сорт сливы под названием «яньчжимэй», румяная слива, местную особенность деревни Хунмэй, по которой она и получила название.

Цинь Жунши впервые пришёл в академию Лумин и принёс немало вещей. Утун тоже помог ему нести часть, а войдя в комнату, положил свёрток на пустую кровать у стены.

Он снова сказал:

— В комнате кровать, письменный стол и шкаф уже есть. Посмотри, чего ещё не хватает. Сегодня время есть, можно выйти и купить.

Комната была не слишком большой, но мебель имелась вся. Если говорить прямо, здешние условия были гораздо лучше, чем в комнате Цинь Жунши дома.

Он кивнул и сказал:

— Уже очень хорошо, всего хватает.

Утун махнул рукой и продолжил:

— Ты ученик класса Цзя в Саньсуньюане, твой сосед по комнате тоже из класса Цзя, завтра просто пойдёшь на занятия вместе с ним. Ты в этом году новенький, ничего ещё не знаешь, по учёбе спрашивай побольше. А... точно, завтра на кухне будут готовить кашу с тремя свежестями и лепёшки с красной фасолью. Такое делают только раз в месяц, особенно вкусно! Приходи пораньше, опоздаешь - уже не останется!

Стоило заговорить о еде, как глаза Утуна заметно засияли, в зрачках будто вспыхнули блестящие звёздочки. Казалось, говоря, он уже облизывался от жадного предвкушения.

Цинь Жунши кивнул в знак согласия, помедлил немного, но всё же достал из свёртка маленький пакетик, завёрнутый в промасленную бумагу, с мягкими апельсиновыми конфетами и протянул Утуну.

Он сказал:

— Побеспокоил брата Утуна проводить меня. Возьми это, небольшой знак благодарности.

Эти вещи приготовил Лю Гуйюй. По дороге он долго, без конца наставлял Цинь Жунши: говорил, что у того характер слишком замкнутый, но в академии всё равно надо хорошо ладить с соучениками и соседом по комнате, а если удастся завести близкого друга - ещё лучше. Ещё он специально приготовил несколько пакетиков мягких апельсиновых конфет, чтобы тот принёс и подарил соученикам.

Кисло-сладкие мягкие апельсиновые конфеты - Цинь Жунши очень любил этот вкус. Изначально он хотел спрятать их и тайком съесть самому, так что долго боролся с собой, прежде чем всё-таки решился достать один пакетик.

Глаза Утуна округлились, грудь и шея всё отступали назад, даже живот он втянул, не решаясь

коснуться протянутой руки Цинь Жунши. Он в панике замахал обеими руками и торопливо сказал:

— Это всё то, что я и должен был сделать! Подарки принимать нельзя! Если декан узнает, нас обоих отругают! Скорее убери!

Цинь Жунши снова сказал:

— Это не какая-то дорогая вещь, просто домашняя сладость.

Говоря это, он развернул промасленную бумагу, открыв лежавшие внутри ровные квадратные оранжевые конфеты. Они были густо обсыпаны белоснежной сахарной пудрой, мягкие, чуть расплывчатые, и выглядели очень аппетитно. Их было немного, как раз полная ладонь, и это действительно нельзя было назвать дорогим подарком; здесь важнее было само внимание.

Утун был старше Цинь Жунши, но, в конце концов, ему ещё не исполнилось двадцати, и он тоже был тем ещё лакомкой. Подари ему что-нибудь дорогое - он бы не посмел принять, а может, ещё и хорошенько обругал бы тебя. Но стоило увидеть, что это вкусное, как взгляд уже не мог оторваться, будто прилип к сладостям.

Золотисто-оранжевый цвет, мягкие и упругие, пахнут сладко-сладко... На вид такие вкусные!

— То... тогда я приму! В следующий раз, если тебе что-то понадобится, смело ищи меня! Если смогу помочь, обязательно помогу!

Утун облизнул губы, потом протянул руку, схватил промасленный свёрток из рук Цинь Жунши, помахал им перед ним пару раз и только потом повернулся и ушёл. Не успел он далеко отойти, как уже достал одну мягкую конфету и сунул в рот. У-ва, вкусно!

Утун сжал кулак, потом, покачивая головой, убежал прочь.

В комнате остался только Цинь Жунши. Он застелил постель и просто прибрался в комнате. В комнате не было грязно или беспорядочно, но больше половины месяца здесь никто не жил, так что пыль всё равно немного накопилась. Он как раз вытер свой стол и собирался убрать сменную одежду в шкаф, когда дверь снаружи открылась, и вошёл юноша лет шестнадцати-семнадцати. Увидев Цинь Жунши, тот на мгновение замер, а уже в следующий миг на лице появилась приветливая улыбка. Он поздоровался:

— Ты, должно быть, новый соученик этого года? Приветствую. Моя фамилия Сюй, зовут Сюй Син. Ты... на вид ещё молод, зови меня просто «брат Сюй»!

Этот человек был очень дружелюбным и разговорчивым, в словах и поступках нельзя было найти изъяна. Цинь Жунши остановил движение рук, повернулся, посмотрел на него пару раз,

кивнул и тоже назвал своё имя. Сюй Син с улыбкой вошёл, помог ещё раз протереть стол, который Цинь Жунши уже вытер, и сказал:

— С тех пор как я поступил в академию, всё время жил один и как раз чувствовал себя одиноко. А тут так удачно пришёл ты! Сколько лет младшему брату Ши в этом году? На вид лицо совсем юное.

Услышав это «младший брат Ши», Цинь Жунши невольно нахмурился и почувствовал, что всё тело стало не по себе. Надо знать, даже его родной старший брат Цинь-далан никогда так его не называл.

Цинь Жунши нахмурился, но всё же ответил:

— В пятом месяце будет четырнадцать.

То есть ему ещё не было и четырнадцати, а он уже сдал на туншэна?!

Сюй Син вздрогнул, глаза от изумления широко раскрылись: очевидно, он был сильно потрясён. Но очень быстро Сюй Син спрятал удивление в глазах и снова посмотрел на Цинь Жунши как ни в чём не бывало, ещё и похвалил:

— Тогда, если так посчитать, младший брат Ши - самый юный ученик нашего класса Цзя! И правда молод да многообещающ!

Выражение лица у него изменилось очень быстро, но у Цинь Жунши слух и зрение были острыми, и он всё равно заметил промелькнувшие в глазах Сюй Сина изумление и сомнение. Цинь Жунши никак не отреагировал, словно ничего не видел, и отвечал тоже ровно. Отвечая, он молча засунул поглубже две пачки апельсиновых конфет, которые вообще-то должен был подарить соученику и соседу по комнате.

Сюй Син ещё не знал, что его уже раскусили, и продолжал горячо болтать: то рассказывал ему о наставниках, которые будут вести уроки, то знакомил на словах с учениками класса Цзя, то говорил о еде в столовой... словно самый обычный разговорчивый и добросердечный ученик.

Цинь Жунши на всё отвечал одно за другим. Манера и тон у него не были близкими, но и не отталкивали за тысячу ли. Он всё ещё помнил наставления Лю Гуюя: надо хорошо ладить с соучениками и соседом по комнате. Так что, пока другие не наступят ему на голову, он тоже мог кое-как поддерживать внешние отношения.

Если говорить о Лю Гуюе, он с Цинь Баньбань уже добрался до Восточного рынка и разложил лоток. Из-за того что сначала они проводили Цинь Жунши в академию Лумин, торговлю начали немного поздно; лавки по обе стороны уже стояли открытыми, люди на местах.

— Ну наконец-то вы пришли! Только что несколько девушек заходили спрашивать, уж думали, что вы снова не придёте! Я им сказала вернуться попозже!

Говорила Линь Синь-нян. Её лоток с гуокуй был давно выставлен, и она уже успела принять первую волну покупателей.

Лю Гуюй, убирая и раскладывая вещи на своей тележке, кивнул Линь Синь-нян и улыбнулся:

— Спасибо, тётушка! Эй, а тот, кто рядом со мной продавал пудинг из тофу, почему его нет?

Рядом прежде супружеская пара продавала пудинг из тофу. Люди они были добрые и отзывчивые, в обычные дни тоже не раз помогали Лю Гуюю в мелочах. А теперь соседний лоток сменился: там стояла незнакомая пара средних лет.

Линь Синь-нян с улыбкой ответила Лю Гуюю:

— Ты про Юй-гэра с мужем? Мм, у Юй-гэра живот уже вон какой большой, боюсь, в ближайшее время они лоток выставлять не будут. Муж его жалеет, разве он сможет спокойно один торговать, оставив фулана дома одного!

Лю Гуюй кивнул, решив, что так и должно быть, но всё же сказал:

— Жаль. У них продавала и правда вкусный, я ещё думал купить Баньбань миску попробовать, она ведь не ела.

Линь Синь-нян тоже улыбнулась, но едва улыбка сошла, как она снова вспомнила о собственном гэре. Юй-гэр с его мужем тоже с детства были близки, но отношения Юй-гэра с семьёй мужа были плохими, а свекровь оказалась жестокосердной: часто за спиной сына изводила и мучила его. Когда муж Юй-гэра узнал об этом в первый раз, он устроил скандал, а потом забрал Юй-гэра, отделился от семьи и переехал жить отдельно. Теперь молодые жили своей маленькой жизнью, и не сказать, насколько им было свободно и спокойно!

А ведь раньше она сама не могла до этого додуматься: ещё считала Ци Шаня хорошим, думала, что он хорошо относится к её Чжу-гэру и не жалеет на него денег. Но если бы он и правда любил, разве смог бы позволить собственной матери усложнять ему жизнь? День за днём заставлял пить те горькие до смерти чёрные отвары, ещё и мучить всякими ненадёжными народными средствами.

Ай. Ладно уж. Зачем теперь об этом думать? Всё равно её Чжу-гэр уже развёлся, впереди у него ещё полно хороших дней!

Линь Синь-нян не любила загонять себя в тупик, быстро всё для себя прояснила и тут же снова улыбнулась.

Она как раз улыбалась, когда вдруг перед глазами словно потемнело, а потом дочь Майэр потянула её за край одежды.

— Мама, пришёл человек.

Пришёл Сун Цинфэн.

В прошлый раз на Новый год Чжу-гэр позвал этого мужчину выйти, и неизвестно, о чём они тогда говорили. После этого Сун Цинфэн хоть и оставался в деревне, но больше к ним домой не приходил. Линь Синь-нян думала, что на этом всё и закончилось, что он больше не появится. Кто бы мог подумать, что в первый же день торговли она снова его увидит.

— А, это мясник Сун. Опять покупаешь гуокуй? Всё так же два с мясной начинкой?

Линь Синь-нян пришла в себя и стала принимать стоявшего перед ней мужчину просто как обычного покупателя. Сун Цинфэн кивнул, достал из кармана медяки и смотрел, как Линь Синь-нян заворачивает ему два горячих гуокуй.

Линь Синь-нян, упаковывая гуокуй, про себя раздумывала. Она продавала гуокуй больше десяти лет, постоянных покупателей у неё было немало, но такого, как Сун Цинфэн, который приходил покупать каждый день, и правда был только один. Линь Синь-нян считала своё мастерство неплохим, иначе не смогла бы одним только лотком с гуокуй вырастить сына-гэра и дочь, да ещё жить со вкусом и достатком. Но она всё же не была настолько самоуверенной, чтобы считать свои гуокуй какой-то небесной вкуснотой, без которой человек и дня прожить не может!

В душе она невольно подумала: уж не ради ли Цинчжу этот мужчина каждый день приходит поддержать её торговлю?

Думала она думала, а руки не останавливались. Она быстро завернула два гуокуй с мясной начинкой и с улыбкой протянула их. Сун Цинфэн взял лепешки, но сразу не ушёл, а немного постоял перед лотком. И как раз когда Линь Синь-нян уже собиралась спросить, он вдруг вытащил свежую полоску свиных рёбер.

Линь Синь-нян:

— ???

Линь Синь-нян и Ло Майэр обе широко раскрыли глаза и с недоумением уставились на Сун Цинфэна.

Сун Цинфэн сказал:

— На мясном прилавке оставил себе одну полоску рёбер. И жир, и мясо есть, очень свежая.

Линь Синь-нян почти машинально открыла рот:

— Это я взять не могу! Скорее заведи обратно!

Сун Цинфэн помолчал немного и снова сказал:

— Я не умею готовить, хотел попросить тётушку помочь. Хоть суп сварите, хоть блюдо приготовьте, вечером я приду к вам домой забрать одну чашку, а остальное оставьте вашей семье - это будет благодарность за помощь с готовкой.

Линь Синь-нян:

— ...

Пальцы ног у Линь Синь-нян начали скрести землю. Обычно язык у неё был быстрый, но сейчас она злилась на себя: ну зачем так поспешила! Вот теперь хорошо - это ведь вовсе не ей дарили, и получилось так неловко!

Она сухо рассмеялась, но всё же сказала:

— Э-это как же можно! К тому же... к тому же ты ведь знаешь, я каждый день торгую, где у меня время мясные блюда готовить! Вы, мужчины, не понимаете, суп варить очень долго!

Сун Цинфэн будто заранее всё обдумал и очень быстро сказал:

— Разве у вас дома нет других людей? Пусть он поможет.

Других людей? Каких ещё других людей? Она с Майэр выходят торговать, дома остаются только Цинчжу и две собаки! Не собакам же варить суп!

А он хорош, вот какой у него замысел!

Улыбка Линь Синь-нян стала ещё более натянутой.

Сун Цинфэн сильно помог их семье, и из-за этого Линь Синь-нян было трудно прямо отказать. Обычно, когда она ругалась с деревенскими женщинами и фуланами, язык у неё был очень острый, но сейчас она никак не могла придумать слов для отказа.

Сун Цинфэн увидел, что дело, кажется, может выйти, положил свиные рёбра на лоток, ещё дважды сказал «спасибо», а потом сунул гуокуй за пазуху и ушёл.

Только когда человек уже отошёл далеко, Линь Синь-нян пришла в себя и удивлённо воскликнула:

— Пойдите-ка? Этот мужчина больше не живёт в городе? Разве он не говорил, что только на Новый год вернулся в деревню пожить несколько дней?

Ей, конечно, никто не ответил. Даже Ло Майэр жадно смотрела на свиные рёбра, так что слюни у неё почти потекли.

Примечание автора: моя пара не может быть без счастливого конца! Бамбуку самое место расти на вершине горы! Даже имена у них подходят друг другу*!

(ПП: Цинчжу переводится как «зеленый бамбук», Цинфэн – зеленый горный пик, гребень горы)

<http://bllate.org/book/17177/1718746>